

Е. Ю. Зубкова

**ЮГРА В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-72-81

УДК94(571.122)“19” ББК 63.3(253.3)63

Формирование региональной структуры России предполагает совмещение двух основных перспектив — региональной и общенациональной. Речь идет не о простом наложении одной хронологической и событийной рамки на другую, а о выявлении степени корреляции региональной истории с общенациональными процессами, в которых отражается и формируется субъектность региона. История Ханты-Мансийского автономного округа — Югры является одним из значимых примеров подобного совмещения исследовательских перспектив. В истории Югры особое место занимает период 1953–1991 гг. — от оттепели до перестройки. За очень короткое по историческим меркам время регион осуществил качественный поворот в своем развитии. Доминирующую роль в процессе становления субъектности Югры как региона сыграл нефтяной фактор, являвшийся одновременно ресурсом экономического развития, локомотивом модернизации и катализатором социокультурных перемен. В результате интенсивного промышленного освоения 1960–1980-х гг. кардинально изменилось место ХМАО в региональной структуре России: из аграрного и малоперспективного он превратился в индустриально развитый и интенсивно прогрессирующий район; дотационный регион стал регионом-донором, обеспечивающим Советскому Союзу решение не только экономических и социальных, но и геополитических задач. «Югорский кейс» дает возможность акцентировать внимание на советской специфике модернизации территорий нового промышленного освоения. Стратегия модернизации региона была прогрессом и одновременно вызовом, кардинальным образом меняющим природную и социальную среду региона. Последствия этих трансформаций — независимо от знака их ретроспективной оценки — носили долговременный характер и влияют на жизнь ХМАО — Югры до сих пор.

Ключевые слова: СССР, региональная история, Югра, модернизация, нефтегазовый комплекс, субъектность

История Ханты-Мансийского автономного округа — Югры прочно вписана в историю России. Вместе с тем линейная модель, описывающая историю Югры как часть истории Сибири, а историю Сибири — как часть истории России, не отражает в полной мере сложную систему связей и отношений, в которые вовлекался Югорский край. Ограниченность принципа «матрешки» становится очевидной, если рассматривать события и процессы, происходившие в ХМАО — Югре, не в традиционном измерении «центр—периферия», а в контексте «пространственного поворота», все более уверенно заявляющего о себе в современной историографии.¹ Категория пространства становится одним из важных инструментов междисциплинарных исследований.

¹ См.: Репина Л. П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5–16.

«Пространственный поворот», как полагает Л. П. Репина, формирует систему координат «новой региональной истории» — мультиперспективную модель, состоящую из разных пространственных регистров: локального, регионального, национального (общенационального), трансрегионального, глобального.² Все перечисленные регистры являются актуальными для изучения истории Югры, особенно во второй половине XX в. и в текущем столетии. «Югорский кейс» формирования региональной структуры России предполагает совмещение двух основных перспектив — региональной и общенациональной.

В истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры³ особое место занимает период 1953–1991 гг. — от оттепели до перестройки.

² См.: Там же. С. 6.

³ В данной статье название «Югра» используется условно, поскольку в советский период в официальном лексиконе оно не употреблялось. С 1940 г. до 1978 г. регион носил название Ханты-Мансийский национальный округ (ХМНО), после принятия новой Конституции РСФСР изменил его на Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО). Исторический топоним «Югра» в качестве официального названия округа появился в 2003 г.

За очень короткое по историческим меркам время регион осуществил качественный поворот в своем развитии. Доминирующую роль в процессе становления субъектности Югры как региона сыграл нефтяной фактор, являвшийся одновременно ресурсом экономического развития, локомотивом модернизации и катализатором социокультурных перемен.

Но Югра жила не только нефтью. Систему пространственного самоопределения Ханты-Мансийского автономного округа как уникального региона формировали несколько факторов, в их числе: географическое положение и природно-климатические условия, региональные особенности процесса модернизации, экономический профиль и вовлеченность в мировой нефтяной рынок, наличие разных центров притяжения/конкуренции, межрегиональные и кросс-культурные контакты, среда жизнедеятельности титульных народов в сочетании с полиэтничностью региона в целом.

В контексте общенациональной истории России специфика Югры созвучна специфике Сибири в целом. Как весьма точно отметили авторы коллективного труда о Сибири периода империи, «в составе России Сибирь имела как бы две ипостаси: *отдельность* и *интегрированность*» [здесь и далее курсив мой — Е. З.].⁴ В течение XX в. соотношение между обеими «ипостасями» менялось, но общий тренд можно обозначить как движение к большей интегрированности региона в общесоюзные процессы при одновременном усилении его субъектности («отдельности») как следствия интеграции.

1953 год, давший начало новому этапу в жизни страны, стал переломным и в истории Югры. Регион не остался в стороне от общенациональных процессов, которые не сводятся к десталинизации или управленческим новациям. Турбулентное время перемен было временем поиска и открытий, удачных начинаний и спорных, а нередко и просто ошибочных решений. Освоение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса стоит в ряду других глобальных проектов эпохи, будь то целина, космос или коммунизм. В годы оттепели события региональной локации приобретают общесоюзное значение. Все началось с «феномена Берёзова» (открытия берёзовского газового месторождения), который потом назвали сенсацией и «началом великой

«Тюменской эры».⁵ «Газ Берёзова — оценивал это открытие Н. К. Байбаков, — поставил последнюю точку, а скорее даже восклицательный знак в спорах ученых об энергетических перспективах Западной Сибири».⁶ И хотя промышленная разработка месторождений началась десятилетие спустя и вместо газа нашли нефть, 1953 год уже разделил историю Югры на два периода — «донефтегазовый» и «нефтегазовый».

Применительно к периоду оттепели вопрос о сопряженности развития Югры с общесоюзными трендами, как и об отклонении от них, до сих пор является предметом дискуссий. Вместе с тем очевидно, что по мере разработки сырьевых ресурсов, укрепления на их основе промышленного потенциала региона, его урбанизации, вследствие миграционного притока из других областей Советского Союза ХМАО все больше втягивался в орбиту общенациональных, а потом и мировых процессов, его сырьевые ресурсы становились фактором мировой экономики и политики. По справедливому замечанию В. П. Карпова, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс был «зеркальным отражением» социально-экономической ситуации в СССР.⁷ Эта взаимосвязь и взаимообусловленность усилилась в 1980-е гг., продемонстрировав не только значимость региона для советского экономического потенциала, но и исчерпание ресурса мобилизационной экономики, цену упущенных шансов и дисбаланса приоритетов. Для Советского Союза этот период закончился кризисом и распадом, для Югры — движением к суверенизации и обретением нового статуса в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации.

Сам факт сопряженности с общими трендами развития страны не отменяет региональной специфики, напротив — через общее рельефнее проступает особенное. Главное содержание процессов экономической и социокультурной трансформации, происходивших в ХМАО — Югре во второй половине XX в., можно определить как региональный вариант

⁵ Долгих В. И. Область особой заботы // Западная Сибирь: история поиска. 1975–1995 годы. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 18.

⁶ Байбаков Н. К. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2011. Т. 5: От Сталина до Ельцина. С. 261.

⁷ Карпов В. П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014. С. 125; Он же. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс как зеркало советской экономики 1960–80-х годов // Горные ведомости. 2006. № 4 (23). С. 110–115.

⁴ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 24.

фронтирной модернизации.⁸ В середине 1950-х гг. Ханты-Мансийский национальный округ обладал всеми чертами фронтирной территории, находящейся в процессе модернизации: продолжающееся и длительное по времени вовлечение региона и его коренного населения в советский проект; слабая и неравномерная заселенность; наличие богатых природных ресурсов как основы для развития промышленного потенциала региона; потребность в дополнительной рабочей силе для разработки ресурсов и, как следствие, высокая миграционная активность, проблема адаптации мигрантов, кросс-культурные контакты и конфликты; неразвитость транспортной и социальной инфраструктуры; диспропорции в демографическом составе населения, его подвижность, неустойчивость социума/социумов; примат центра и государственных институтов в решении задач интеграции периферии.

Регион «поднялся на нефти», когда открытие и освоение богатейших природных ресурсов обеспечили стремительный рост его промышленного и человеческого потенциала — факт, который не подвергается сомнению. Точно так же не оспаривается исключительно важная роль западно-сибирского «углеводородного фактора» в развитии советской экономики, в решении руководством страны стратегических и краткосрочных политических, социальных, международных задач. Дискуссии начинаются в точке пересечения развития нефтегазового комплекса (НГК) и модернизационных процессов — позитивного и негативного эффекта их корреляции.

С наступлением «углеводородной эры», начало которой в СССР эксперты относят к концу 1930-х гг., нефтегазовый комплекс играл все более заметную роль в модернизации экономики страны, ее оборонной промышленности и социальной сферы.⁹ В 1960–1970-е гг. открытие и разработка запасов нефти и газа в Западной Сибири, уникальных по своим мас-

штабам и качественным характеристикам, придали модернизационным процессам новый импульс. Однако после того, как во второй половине 1980-х гг. в нефтяной отрасли региона обозначились кризисные явления, связанные в том числе с истощением потенциала месторождений-гигантов и необходимостью качественной модернизации уже самого нефтегазового сектора,¹⁰ все чаще стал подниматься вопрос о «нефтегазовой зависимости» страны и «ресурсном проклятии».¹¹ Тема «ресурсного проклятия» набирала популярность на фоне общего политического и экономического кризиса, в качестве одной из причин (а иногда и первопричины) которого рассматривались доходы от эксплуатации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ресурсной ренты). Они, по мнению некоторых экспертов, дали возможность советскому руководству за счет экспорта углеводородного сырья и импорта необходимых товаров и технологий обеспечивать в стране политическую и социальную стабильность, не занимаясь реформированием системы управления и экономики.¹²

В таком контексте первой «жертвой» сибирской нефти была объявлена косыгинская реформа, а потом в «жертвенный список» попал и Советский Союз, распад которого связывали с резким падением цен на нефть, уменьшением объемов нефтедобычи и сокращением валютных резервов.¹³ На самом деле причинно-следственная связь между процессом свертывания реформ в СССР в конце 1960-х гг. и разработкой ресурсного потенциала Западной Сибири представляет собой многофакторную, а не прямую зависимость. Современные эксперты, рассматривая сценарии политического и экономического развития различных стран, обладающих богатыми природными ресурсами, предпочитают говорить об «условном

⁸ Концепция «фронтирной модернизации» разработана И. В. Побережниковым и представлена в ряде публикаций. См., напр.: Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274; Он же. Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М., 2017. С. 72–140; Он же. Фронтирная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2020. Т. 1. С. 30–38; и др.

⁹ См.: Славкина М. В. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации. 1939–2008. М., 2015. С. 57, 397, 398.

¹⁰ См.: Там же. С. 295.

¹¹ «Ресурсное проклятие» — совокупность негативных эффектов, проистекающих из обладания той или иной страной естественными богатствами и сказывающихся на ее экономическом, социальном или политическом развитии. См.: Росс М. Политические аспекты «ресурсного проклятия»: общий обзор // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 4 (126). С. 35–65.

¹² См.: Ермолаев С. А. Нефтегазовая зависимость Советского Союза: уроки для современной России // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2017. № 5 (515). С. 93, 94.

¹³ Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 196; Некрасов В. Л. Советская модель экономики: институты, нефтегазовые ресурсы и проблема «ресурсного проклятия» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 10 (54). URL: <http://history.jes.su/s207987840001894-2-1> (дата обращения: 20.09.2023).

проклятии», когда риски использования мощного ресурсного потенциала определяются не только и даже не столько его наличием, сколько качеством экономических и политических институтов.¹⁴

Советская экономическая модель, находившаяся с середины 1960-х гг. в процессе так и незавершенного реформирования, продемонстрировала свою неспособность использовать вновь открывшиеся возможности на мировом нефтегазовом рынке для реализации инновационных проектов модернизации. Как заметил экономист С. А. Ермолаев, «сформированные в советской плановой системе институты оказались очень слабо подготовленными, чтобы приспособливаться к стихии мирового рынка, которую страна не могла контролировать»: не были созданы стабилизационные фонды, поскольку высокие цены на углеводородное сырье в совокупности с высокими темпами нефтедобычи воспринимались советским руководством и плановиками как неизменяемая данность.¹⁵ По мнению историка В. Л. Некрасова, институциональный фактор — ригидность советских экономических институтов (в первую очередь Госплана), механизмы принятия решений в институциональной иерархии — стал одной из основных причин сползания Советского Союза в ресурсную зависимость.¹⁶

Не менее важную роль как в свертывании реформ, так и в формировании далекого от оптимального варианта стратегии развития нефтегазового комплекса сыграл политический фактор. Он заявлял о себе на разных уровнях и в разных форматах — от личного соперничества лидеров и сложной системы лоббирования интересов отраслей, ведомств и кланов до сферы отношений между властью и обществом. Необходимость экономической реформы 1965 г. была продиктована не только состоянием экономики, одновременно она являлась ответом на социальный вызов — ожидание людьми улучшения условий и качества жизни. Вновь открывшая возможность решить социальные проблемы за счет масштабного экспорта энергоресурсов была слишком большим соблазном и обещанием простого выхода

из сложной ситуации, грозившей политической нестабильностью. События в Чехословакии 1968 г. дали дополнительный козырь противникам реформ. Так «нефтяное эльдорадо» было ситуативно использовано в качестве веского аргумента против продолжения реформ.¹⁷ Ситуация «отложенных реформ» продолжалась до начала 1980-х гг., когда ресурс «эльдорадо» уже не компенсировал очевидные дисбалансы и анахронизм советской экономической модели, а у части руководства страны и в обществе постепенно формировался настрой на перемены.

Нельзя не согласиться с М. В. Славкиной, что сам по себе «нефтегазовый фактор» не является «ни губителем модернизации, ни панацеей от всех экономических и социальных недугов. НГК — это инструмент освоения природных богатств страны, источник энергетических и финансовых ресурсов».¹⁸ Аналогичные аргументы в пользу дифференцированного подхода к оценке роли нефтегазового комплекса в жизни страны приводит В. П. Карпов: «Нефть и газ, сами по себе, не могут быть ни причиной ускорения, ни причиной торможения социально-экономического развития. Все зависит от общего вектора развития страны, эффективности управления».¹⁹

Для Югры значение нефтегазового комплекса — несмотря на сложную историю его становления и развития, связанную не только с обретениями, но и с очевидными потерями — можно обозначить вполне определенно. Без нефти у региона не было будущего. По крайней мере в рамках советской модели экономики, выстраивающей систему приоритетности регионов по степени их индустриального статуса и вклада в общесоюзный промышленный потенциал.

Это хорошо понимали руководители округа и области. Поэтому уже в конце 1940-х — начале 1950-х гг., в «донефтегазовый период», они настаивали на необходимости ускоренного развития промышленного производства в Ханты-Мансийском национальном округе. Первоначально эти планы были связаны с уже существующими отраслями — лесной, деревообрабатывающей, рыбной промышленностью, строительством. Модернизация округа виделась через его индустриализацию. По этой же причине торопились с планами перевода

¹⁴ См., напр.: Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М., 2007. С. 6, 34–37; Ховавко И. Ю., Шведов К. И. «Ресурсное проклятие»: обзор точек зрения // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 62.

¹⁵ Ермолаев С. А. Указ. соч. С. 94.

¹⁶ См.: Некрасов В. Л. Указ. соч.

¹⁷ См.: Славкина М. В. Указ. соч. С. 327.

¹⁸ Там же. С. 398.

¹⁹ Карпов В. П. Анатомия подвига... С. 78.

коренного населения на оседлость и сселения оленеводов, охотников и рыбаков в крупные поселки, не очень задумываясь о последствиях такой политики. В индустриальную перспективу вписывались планы развития административного центра округа — Ханты-Мансийска, получившего статус города в январе 1950 г. Так на ментальном уровне и в реальных планах местных руководителей конструировался образ промышленного региона: «региональная власть и общество уже задолго до нефтяной эпопеи были готовы к промышленным переменам и ждали их».²⁰

Однако эти планы сначала не находили поддержки в Москве. В послевоенные годы центральные планирующие органы считали всю Тюменскую область «бесперспективной» для индустриального развития и исключали ее из проектов долгосрочного промышленного освоения.²¹ Таким образом, еще до открытия нефтегазовых месторождений на региональном уровне были сформулированы цели индустриального развития Ханты-Мансийского национального округа, но не было средств и ресурсов для их достижения.²²

Несмотря на существование «индустриального стандарта»²³ как общей стратегии модернизации Сибирского Севера и планы регионального руководства по расширению промышленного сектора экономики, округ и область до начала их интенсивного промышленного освоения пребывали в статусе «аграрного» региона — и по сути, и по сложившемуся имиджу. Когда в результате очередной управленческой реорганизации Н. С. Хрущёва партийные органы были разделены по производственному принципу, первое лицо Тюменской области — первый секретарь обкома КПСС Б. Е. Щербина был назначен руководителем сельскохозяйственного обкома, а пост первого секретаря промышленного обкома он уступил А. К. Протазанову.²⁴ Примечательно, что разделение сфер ответственности на «главную» и «второстепенную» состоялось в январе 1963 г.,

то есть уже после того, как были открыты Шаимское, Мегионское, Усть-Балыкское нефтяные месторождения. Но в 1965 г. «грянул Саянск», и с этого момента нефтяная перспектива развития округа стала не только реальной, но и магистральной.

С середины 1960-х гг. происходит «переагрузка» отношений между Ханты-Мансийским округом и Центром: регион все более стремительно вовлекается в орбиту общесоюзных интересов. Одновременно развитие нефтегазового комплекса становится главным проектом, обеспечивающим весомые позиции Тюменской области в сфере распределения финансовых и материально-технических ресурсов. Поэтому, несмотря на повышение степени субъектности округа, вертикальная конфигурация отношений остается практически неизменной: Ханты-Мансийск — Тюмень — Москва. Руководство Тюменской области курировало все вопросы, связанные с НГК, лоббировало его интересы и, соответственно, интересы базовых округов (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого) в Москве. Многие решения приходилось отстаивать, буквально «пробивать», и областные руководители (Б. Е. Щербина, А. К. Протазанов, Г. П. Богомяков), как правило, успешно справлялись с этой задачей. Но Ханты-Мансийск оставался в тени Тюмени.²⁵

Оторванность Ханты-Мансийска от центров принятия решений — «большой земли» — усугублялась не вполне удачным географическим расположением города и общим состоянием транспортной инфраструктуры округа.²⁶ Фактор пространственной изолированности Ханты-Мансийска стал особенно очевидным после того, как началось интенсивное освоение природных ресурсов округа. Тем более что в этом районе перспективных месторождений обнаружено не было.

Неслучайно во время визитов высоких гостей из Москвы в Западно-Сибирские регионы они предпочитали посещать Тюмень и города —

²⁰ Стась И. Н. Образ промышленного освоения: ханты-мансийский Север в ожидании перемен в послевоенные годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 147, 148.

²¹ См.: Комгорт М. В. Региональная власть и перспективы индустриального развития Тюменской области в послевоенный период // Проблемы модернизации Сибирского Севера: сборник научных трудов. Тюмень, 2011. С. 162.

²² См.: Стась И. Н. Образ промышленного освоения. С. 148.

²³ Гололобов Е. И. Сибирский Север: динамика образа — от *barren grounds* к *northern plain* // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 140.

²⁴ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 29, 32.

²⁵ Редкий случай, когда власти Ханты-Мансийского национального округа обратились в Москву напрямую — «через голову» Тюмени — записка М. Я. Савина и А. Н. Лоскутова в ЦК КПСС от 25 июля 1956 г. о необходимости коренным образом изменить ситуацию с состоянием культурной инфраструктуры. Этот документ не только дошел до адресата, но и вызвал более широкий резонанс — реакцию со стороны заинтересованных ведомств (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 8. Л. 65–74).

²⁶ См.: Веселов С. И. Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-е гг. // Накануне «большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.). Екатеринбург, 2020. С. 68.

центры нефтедобычи: Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск. В 1965 г. Сургут и Урай получают статус города — вторых на территории Ханты-Мансийского национального округа.²⁷ Но Урай остался в стороне от процесса формирования урбанистических центров округа — в прямом и переносном смысле. Он был расположен в районе Шаимского месторождения — первого, открытого в Западной Сибири (1960 г.). Но в середине 1960-х гг. центр нефтедобычи смещается в другую сторону — в район Среднего Приобья. Здесь пальму первенства уверенно держит Сургут. Именно он становится административным центром нефтегазового освоения и неофициальной второй столицей округа.

Органы окружной власти — партийные и советские — по-прежнему были сосредоточены в Ханты-Мансийске, тогда как в недавно сформированных городах, в том числе Сургуте, начала складываться своя система управления. В каждом городе существовал традиционный тандем властных структур — горкома партии и городского исполкома. Однако основные финансовые и материально-технические ресурсы находились в руках ведомств: специализированных главков, трестов, управлений, ответственных за разработку нефтяных промыслов. Эти же ведомства занимались развитием социальной инфраструктуры городов — строительством жилья, объектов социально-бытовой и культурной сферы. В ситуации «всесилья ведомств» местные советские и партийные власти во многом утрачивали рычаги влияния или находились в подчиненном положении.²⁸

Поскольку финансирование градостроительных проектов осуществлялось ведомствами по остаточному принципу, нефтяные города, в том числе и «вторая столица» округа, своим внешним видом долгое время совсем не походили на популярный в 1960-е гг. образ «голубых городов», хотя хронологически они коррелировали с образом-мечтой. Даже после получения статуса города пространственная и инфраструктурная среда этих поселений сохраняла поселковый, «хуторской» характер, а жилищный фонд представлял собой временное, неблагоустроенное жилье.²⁹ Ситуация начала меняться только в 1970-е гг., однако и в

конце 1980-х гг. жилищная проблема продолжала оставаться острой для многих югорчан.³⁰

В практиках освоения «югорского фронта» отразилось противоречие между пониманием необходимости модернизировать экономику, менять систему и принципы управления, с одной стороны, и инерцией прежней мобилизационной стратегии — с другой. Поэтому освоение новых пространств и ресурсов продолжалось в традиции покорения — «преодоления пространства и простора». Пафос известной песни 1930-х гг.³¹ оказался вполне созвучен настроению оттепели. Это было время покорения — космоса, целины, сибирских рек, а затем и природных кладовых сибирского Севера. Новшество хрущевского периода заключалось в изменении формата покорения — отказе от принудительных методов мобилизации (гулаговского прошлого), переходе к принципу добровольности, материальному стимулированию «покорителей». Не менее важную роль играла ставка на романтизм. Маршевый настрой 1930-х сменился на романтический 1960-х, а образ нового героя-романтика воплотился в фигуре геолога. В годы оттепели геологи по популярности уступали разве что космонавтам.

Для использования романтизма как мобилизационного стимула, особенно в расчете на тех, кто не был знаком с реальными условиями жизни в условиях Севера, Югра подходила почти идеально: обещание трудностей, «запах тайги» и нефть. Нефть — не золото, хотя ее и называют черным золотом. И югорская нефть — совсем не то, что золото Колымы. Кроме «неромантичности» золота за нефтяной Югрой, в отличие от Колымского края, не тянулся «лагерный шлейф»: там не было ни лагерей, ни сколько-нибудь значимых лагерных пунктов. Ханты-Мансийский национальный округ традиционно был местом ссылки. Среди сосланных в Югорский край встречались люди знаменитые — от светлейшего князя А. Д. Меншикова до лидера греческих коммунистов Никоса Захариадиса. Опальный политик провел в сургутской ссылке 10 лет (1962–1973).³² Но преобладали среди «невольных сибиряков»

²⁷ Об истории Сургута в позднесоветский период см. подр.: Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут, 2015.

²⁸ См.: Карпов В. П. Анатомия подвига ... С. 62.

²⁹ См.: Там же. С. 64; Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 96.

³⁰ Об остроте жилищной проблемы свидетельствует подборка писем жителей Ханты-Мансийского автономного округа в ЦК КПСС в 1989–1990 гг. (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 363. Л. 9–29).

³¹ «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор» («Марш авиаторов». Муз. Ю. Хайта, сл. П. Германа).

³² Подробнее см.: Никос Захариадис. Жизнь и политическая деятельность (1923–1973): документы. М., СПб., 2017.

простые люди — жертвы «кулацкой ссылки», депортаций и других принудительных переселений 1930–1940-х гг.³³ Спецпоселки определяли зону принудительного труда в Ханты-Мансийском национальном округе. Снятие с части спецконтингента режимных ограничений началось еще во второй половине 1940-х гг. и продолжалось в 1950-е гг., но и после этого настоящие и бывшие спецпереселенцы продолжали играть существенную роль в жизни округа: строили города и поселки, работали на лесозаготовках, рыболовецких промыслах, а потом и на буровых.

Ставка на романтизм если и оправдала себя, то лишь отчасти: согласно опросу 1969 г., только около 7 % прибывших в районы нового промышленного освоения мотивировали свой приезд элементами романтики, в то время как почти половина мигрантов указывали на мотивы материального порядка.³⁴ Приоритет материального интереса среди причин переезда на нефтепромыслы и стройки региона сохранялся и в последующие годы.³⁵

Вместе с тем, несмотря на разные мотивы миграции и сложные условия жизни, развитие социальных процессов в округе постепенно приобретало положительную динамику. Если на первом этапе освоения природных ресурсов региона значительная часть мигрантов рассматривала свое пребывание на Севере как временное, то к концу 1980-х гг. сложилась устойчивая тенденция к закреплению новоселов. Население округа не только росло численно, но и становилось более стабильным. В структуре миграционных потоков преобладала внешняя миграция — приток населения из других регионов Советского Союза (70 % среди прибывших).³⁶ «Новые сибиряки» представляли не только широкую географию, но и различные этнические группы. Так один из главных советских проектов — формирование новой общности «советский народ» — получил свое практическое воплощение на югорской земле.

Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс создавался трудом многих тысяч людей, но часто с пренебрежением к интересам этих людей, которое оправдывалось масштабностью решаемой задачи — обеспечения энергетического будущего страны, ее приоритетных позиций на мировом нефтяном рынке, устойчивости советской экономики. «Нефть все спишет» — эта упрощенная логика позволяла закрывать глаза не только на бытовую неустроенность людей, но и на очевидные просчеты в разработке природных ресурсов (например, использование попутного газа), нарушение экологического баланса, пренебрежение интересами коренных народов Севера.³⁷

Вопрос о необходимости комплексного развития нефтедобывающего региона руководители области и округа поднимали не раз. Первый большой пакет документов с участием аппарата ЦК КПСС, Госплана, министерств и ведомств, Тюменского обкома партии разрабатывался в 1972–1973 гг., был подготовлен проект постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об основных направлениях комплексного развития народного хозяйства Тюменской области на период до 1990 года».³⁸ Но в 1973 г. документ, несмотря на то, что прошел все стадии согласования, принят не был, его положения отчасти вошли в постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». Только через 12 лет, 20 августа 1985 г. появилось партийно-правительственное постановление о комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири, включая развитие социально-бытовой инфраструктуры региона.³⁹ Это постановление во многом носило знаковый характер, поскольку отражало готовность советского руководства изменить стратегические подходы к использованию потенциала Западно-Сибирского региона. Однако настрой на перемены в этой сфере, как и во многих других, не привел к изменениям в реальных практиках. Размышляя о причинах фиаско планов комплексного развития нефтедобывающего региона, эксперты выдвигают ряд аргументов

³³ См.: Иванов А. С. «Изъять, как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М., 2014; Иванов А. С. Принудительные миграции на Север Западной Сибири (1940-е гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. Т. 4, № 2 (32). С. 21–24; и др.

³⁴ См.: Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М., 1976. С. 95.

³⁵ См.: Стась И. Н. Статья горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.). Курган, 2018. С. 65.

³⁶ См.: Там же. С. 72.

³⁷ См.: Лагунов К. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 201, 202.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 247. Л. 224–245.

³⁹ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах».

системного и ситуативного порядка.⁴⁰ Один из главных — инерционность апробированного еще в пионерный период освоения принципа «минимум затрат — максимум добычи», как и в целом «нерационально действовавшая система закрытого типа “СССР — ЗСНГК”».⁴¹

В результате интенсивного промышленного развития в 1960–1980-е гг. кардинально изменилось место Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в региональной структуре России: из аграрного и малоперспективного он превратился в индустриально развитый и интенсивно прогрессирующий — «сердце нефтедобычи»; дотационный регион стал регионом-донором, обеспечивающим Советскому Союзу решение не только экономических, но и геополитических задач. В процессе миграций и урбанизации Югра обретает новое социальное лицо, а региональные сообщества — коренные жители и «новые сибиряки» — несмотря на различия и известную автономность, самым фактом своего сосуществования закла-

дывали предпосылки для формирования общей региональной идентичности.

«Югорский кейс» дает возможность акцентировать внимание на советской специфике модернизации территорий нового промышленного освоения. Она нашла отражение в мобилизационной стратегии и обусловленных ею практиках освоения региона, приоритете решения производственных задач в ущерб социальным, быстрых темпах освоения, попытках осуществить интеграцию через унификацию, особенностях национальной политики по отношению к коренным народам региона. Ускоренное развитие ХМАО — Югры в этот период, носящее догоняющий характер, прошло стадию двух взаимосвязанных переходов — урбанизационного и демографического. Стратегия модернизации региона была прогрессом и одновременно вызовом, кардинальным образом меняющим природную и социальную среду региона. Последствия этих трансформаций — независимо от знака их ретроспективной оценки — носили долговременный характер и влияют на жизнь ХМАО — Югры до сих пор.

Elena Yu. Zubkova

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

Email: elena.zubkova@mail.ru

UGRA IN THE CONTEXT OF THE LATE SOVIET MODERNIZATION: REGIONAL HISTORY IN THE NATIONAL PERSPECTIVE

The formation of Russia's regional structure involves the combination of two main perspectives — regional and national. It is not a matter of “overlying” one chronological and event framework on another, but of identifying the degree of correlation of regional history with the national processes in which the subjectivity of the region is reflected and formed. The history of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra is one of the significant examples of such a combination of research perspectives. The 1953–1991 period occupies a special place in the history of Ugra — from the thaw to perestroika. In a very short time by historical standards, the region has experienced a qualitative turn in its development. The oil factor played a dominant role in the process of establishing the subjectivity of Ugra as a region, being at the same time a resource for economic development, a locomotive of modernization and a catalyst for sociocultural changes. As a result of intensive industrial development in the 1960–1980s the place of Khanty-Mansi Autonomous Okrug in Russia's regional structure has changed radically: from agrarian and unpromising it turned into industrial and intensively progressive; the subsidized region became a donor region, providing the Soviet Union with solutions of not only economic, but also geopolitical challenges. The case of Ugra gives an opportunity to focus on the Soviet specificity of modernization of territories of new industrial development. The region's modernization strategy has been both progress and challenge, radically changing the natural and social environment of the region. The consequences of these transformations — regardless of the mark of their retrospective assessment — have been long-lasting and influence the life in Ugra to this day.

Keywords: *USSR, regional history, Ugra, modernization, oil-and-gas complex, subjectivity*

⁴⁰ См. подр.: Карпов В. П., Комгорт М. В. Уроки создания нефтяной промышленности в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 4 (52). С. 100–107.

⁴¹ Там же. С. 106.

REFERENCES

- Baibakov N. K. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow: Fond innovatsiy imeni N. K. Baybakova Publ., 2011, vol. 5: From Stalin to Yeltsin. (in Russ.).
- Dolgikh V. I. [Area of Special Concern]. *Zapadnaya Sibir': istoriya poiska. 1975–1995 gody* [Western Siberia: History of Search. 1975–1995]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2009, part 1. (in Russ.).
- Ermolaev S. A. [Oil and Gas Dependence of the Soviet Union: Lessons for Modern Russia]. *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO* [The All-Russian ECO Journal], 2017, no. 5 (515), pp. 76–97. (in Russ.).
- Gaidar E. T. *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Gololobov E. I. [The Siberian North and the Dynamics of an Image: From Barren Grounds to a Northern Plain]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 137–152. DOI: 10.15826/gr.2017.1.216 (in Russ.).
- Ivanov A. S. [Forced Migrations to the North of Western Siberia (in 1940s)]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, cultura* [Northern Region: Science, Education, Culture], 2015, vol. 4, no. 2 (32), pp. 21–24. (in Russ.).
- Ivanov A. S. *“Iz'yat', kak antisovetskiy element...”: kalmyki v gosudarstvennoy politike (1943–1959 gg.)* [“Withdraw as an Anti-Soviet Element...”: Kalmyks in State Politics (1943–1959)]. Moscow: S. n., 2014. (in Russ.).
- Karpov V. P. [West Siberian Oil and Gas Complex as a Mirror of the Soviet Economy of the 1960s–80s]. *Gornyye vedomosti* [Mining Journal], 2006, no. 4, pp. 110–115. (in Russ.).
- Karpov V. P. *Anatomiya podviga: Chelovek v sovetskoy modeli industrializatsii Tyumenskogo Severa* [Anatomy of a Feat: Man in the Soviet Model of Industrialization of the Tyumen North]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2014. (in Russ.).
- Karpov V. P., Komgort M. V. [Lessons of Oil Industry Development in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, cultura* [Northern Region: Science, Education, Culture], 2022, no. 4 (52), pp. 100–107. DOI: 10.34822/2312-377X-2022-4-100-107 (in Russ.).
- Khovavko I. Yu., Shvedov K. I. [“Resource Curse”: Points of View]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [E-Journal Public Administration], 2017, no. 64, pp. 56–67. (in Russ.).
- Komgort M. V. [Regional Power and Prospects for Industrial Development of the Tyumen Region in the Post-War Period]. *Problemy modernizatsii Sibirskogo Severa* [Problems of Modernization of the Siberian North]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2011, pp. 134–145. (in Russ.).
- Lagunov K. [Oil and People]. *Novyy mir* [New World], 1966, no. 7, pp. 197–217. (in Russ.).
- Malinin E. D., Ushakov A. K. *Naseleniye Sibiri* [Population of Siberia]. Moscow: Statistika Publ., 1976. (in Russ.).
- Nekrasov V. L. [The Soviet Economic Model: Institutions, Oil and Gas Resources and the Challenge of “Resource Curse”]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic Scientific and Educational Journal “History”], 2016, iss. 10 (54). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001894-2-1> (accessed: 20.09.2023). (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier Modernization as a Russian Civilizational Phenomenon]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2013, iss. 12, pp. 246–274. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier Modernization in Modern Domestic Historiography]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskiye chteniya* [Ural Industrial. Bakunin Readings]. Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI Publ., 2020, vol. 1, pp. 30–38. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Modernization Paradigm, Historical Transformations, Regional Development]. *Rekonstruktsii mirovoy i regional'noy istorii: ot universalizma k modelyam mezhekul'turnogo dialoga* [Reconstructions of World and Regional History: Universalism Towards Models of Intercultural Dialogue]. Moscow: Akvilon Publ., 2017, pp. 72–140. (in Russ.).
- Polterovich V., Popov V., Tonis A. *Ekonomicheskaya politika, kachestvo institutov i mekhanizmy “resursnogo proklyatiya”* [Economic Policy, Quality of Institutions and Mechanisms of the “Resource Curse”]. Moscow: ID GU VShE Publ., 2007. (in Russ.).
- Prishchepa A. I. [The Town-Planning in Surgut in the Second Half of the XXth Century]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2007, no. 2, pp. 95–100. (in Russ.).

Prishchepa A. I. *Vozrozhdeniye Surguta. Vtoraya polovina XX veka* [Revival of Surgut. The Second Half of the 20th Century]. Surgut: Defis Publ., 2015. (in Russ.).

Repina L. P. [History of the Regions, or “Historian’s Territory” After Spatial Turn]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2019, iss. 69, pp. 5–16. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.69.46413 (in Russ.).

Ross M. [Political Aspects of the “Resource Curse”: A General Overview]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debates about Politics and Culture], 2019, no. 4 (126), pp. 35–65. (in Russ.).

Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. (in Russ.).

Slavkina M. V. *Neftegazovyy faktor otechestvennoy modernizatsii. 1939–2008* [Oil and Gas Factor of Domestic Modernization. 1939–2008]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2015. (in Russ.).

Stas I. N. [The Pattern of Industrial Development: Khanty-Mansi North in Anticipation of Change in the Postwar Years]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Surgut State Pedagogical University Bulletin], 2019, no. 6 (63), pp. 139–151. (in Russ.).

Stas I. N. *Stat' gorozhaninom: urbanizatsiya i naseleniye v neftyanom kraye (1960-ye — nachalo 1990-kh gg.)* [Becoming a Citizen: Urbanization and Population in the Oil Region (1960s — Early 1990s)]. Kurgan: Kurganskiy Dom pechati Publ., 2018. (in Russ.).

Veselov S. I. [Prerequisites for the Formation of the Road Construction Industry in the the Khanty-Mansi National Okrug in the 1930–1950s]. *Nakanune “bol'shoi nefti”: Yugra v poslevoyennyye gody (1945–1950-ye gg.)* [On the Eve of “Big Oil”: Ugra in the Post-War Years (1945–1950s)]. Ekaterinburg: Alpha Print Publ., 2020, pp. 61–71. (in Russ.).

Для цитирования: Зубкова Е. Ю. Югра в контексте позднесоветской модернизации: региональная история в общенациональной перспективе // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-72-81.

For citation: Zubkova E. Yu. Ugra in the Context of the Late Soviet Modernization: Regional History in the National Perspective // Ural Historical Journal, 2024, no. 1(82), pp. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-72-81.